

НИЦШЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: «СВОБОДНЫЙ ДУХ» В ИНТЕРКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВАХ*

Риккардо Рони

Рассматривается идея деконструкции идентичности, появившаяся у Ницше в результате критики концепции субъекта и определившая специфику его философской позиции. Подчеркивается «конструктивная» функция, которую Ницше придает понятиям «личность», «воля» и «действие»: он серьезно обеспокоен будущим этих терминов в гражданском демократическом обществе. Ницше приписывает «Я» великую задачу, заключающуюся в том, чтобы построить социальные отношения на новых основаниях, которые выступят результатом «переоценки всех ценностей» и критики традиционной метафизической концепции субъективности. Среди традиционных ценностей, подлежащих переоценке, особую роль играют некритический взгляд на культуру, религию и историю, а также такие политические ценности, как ценности нации и границ. Согласно Ницше, перед «сильными» людьми возникает задача выработать принцип новой реальности с учетом новых ценностей. Эта реальность представляет собой одну из многих возможных интерпретаций будущего, потому что она зависит от перспективы, которая считается «доминирующей» по отношению как к прошлому, так и к настоящему, и предполагает свободную и творческую деятельность человека. В этом случае культура, вступая в контакт с другими культурами, может интегрироваться с ними именно благодаря большей уверенности в себе, достигнутой в результате исторического развития и дающей возможность «самопреодоления». Поэтому важно читать Ницше с интеркультурной точки зрения.

Ключевые слова: Ницше, интеркультурная философия, деконструкция идентичности, критика метафизики субъекта.

Урбинский университет им. Карло Бо,
Италия

The author of the article considers Nietzsche's idea of deconstruction of identity resulted from his criticism of the metaphysical concept of the subject and shows that this idea determined the specifics of Nietzsche's philosophical position. It is stressed that Nietzsche examined the "constructive" function of such concepts as "personality", "will", and "action" because he was seriously concerned about the future of these terms in a civil democratic society. Nietzsche believed that the great task of "I" consisted in building social relations on the new foundations discovered due to the practice of "reappraisal of all values" and criticism of the traditional metaphysical approach to subjectivity. Among the traditional values subject to reappraisal there are an uncritical view of culture, religion and history, as well as such political values as those of the nation and borders. According to Nietzsche, "strong" people face the task of developing the principle of a new reality, taking into account the new values. This reality is described as one of many possible interpretations of the future, because it depends on a perspective that is regarded as "dominant" in relation to both the past and the present, and presupposes free and creative human activity. From this point of view, the culture, coming into contact with other cultures, can integrate with them precisely due to the greater self-confidence achieved as a result of its historical development; moreover, this self-confidence makes it possible for a culture to manage its "self-overcoming". The author concludes that it is important to read Nietzsche from an intercultural perspective and that Nietzsche's ideas are a "sketch" of the philosophy of the future.

Keywords: Nietzsche, intercultural philosophy, deconstruction of identity, criticism of the metaphysics of the subject.

© Рони Р., 2020

<https://doi.org/10.31119/phlog.2020.2.119>

* Перевод с немецкого языка А. А. Ганзбург, Ю. А. Кругловой, Е. А. Чехачевой.

При нынешнем чудовищном ускорении жизни ум и глаза привыкают смотреть и судить только наполовину или неверно, и каждый становится похожим на пассажиров железной дороги, которые знакомятся со страной и народом, не выходя из вагона.

Ф. Ницше

1. Введение: Ницше как «сверхкультурный» мыслитель

В данной статье – при строгом следовании текстам Фридриха Ницше¹ – я занимаюсь прежде всего анализом ницшевской деконструкции понятия «идентичность», появившейся в результате критики концепции субъективности и культуры в важнейшие периоды его творчества [7–9; 12; 15; 19; 22; 24; 25; 28–29; 38].

Исходя из этого, я также хотел бы подчеркнуть «конструктивную» функцию, которую Ницше приписывает понятиям «личность», «воля» и «действие»: он серьезно обеспокоен будущим этих терминов в буржуазном демократическом обществе.

Тем самым Ницше возлагает на «Я» большую задачу и в то же время стремится реализовать свое предназначение: реконструировать социальные отношения на новых основаниях, которые обнаружились благодаря «переоценке всех ценностей» и преодолению субъективизма [4–5].

Среди традиционных политических ценностей, безусловно, имеются в виду ценности нации и границы, а также некритический взгляд на культуру, религию и историю [2–3; 6; 14; 33–36].

Все это ставит перед сильными личностями задачу выработки нового принципа реальности с учетом новых ценностей. Очевидно, что речь в данном случае идет об одной из множества возможных интерпретаций будущего, потому что оно зависит от перспективы, которая рассматривается как «доминирующая» по отношению как к прошлому, так и к настоящему: перспективы свободной и творческой личности [16]. Это перспектива, которая позволяет размышлять о великих свершениях и чувствованиях обновленного человека.

С точки зрения Ницше, каждая культура обладает собственными силами, или доминирующими признаками, которые способствуют ее историческому утверждению и зачастую проявляются благодаря действиям великих личностей [1; 10; 17–18; 21; 23; 26–27; 37; 44]. Когда культура вступает в контакт с другими культурами, она может интегрироваться и смешиваться с ними именно благодаря более высокому чувству собственного достоинства, полученному в процессе исторического развития и позволяющему достичь «самопреодоления».

В самой развитой фазе культуры это самопреодоление может привести только к интеграции. Поэтому важно читать Ницше с «сверхкультурной» точки зрения [11; 13; 20; 30–32; 39–40; 41–43].

---

¹ Произведения Ницше цитируются по Цифровому полному академическому изданию сочинений и писем (eKGWB) [45], основанному на критическом издании Дж. Колли и М. Монтинари [46].

2. Дух, культура и история.

С точки зрения молодого Ницше, культура – это «духовное» единство народа. Культура, которая, тем не менее, должна показать, что она отвечает вызовам истории: «*Kultur ist vor allem Einheit des künstlerischen Stiles in allen Lebensäußerungen eines Volkes*»¹.

Так было сказано Ницше после окончания франко-прусской войны (1870–1871), которая, с одной стороны, продемонстрировала политическое превосходство Пруссии над Францией после битвы за Седан, а с другой, показала, «*durch den Sieg der Schein entsteh[en] läßt, als ob die deutsche Kultur gesiegt habe und als ob sie deshalb preiswürdig sei*»². Ибо причинами этой победы были только «строгая военная дисциплина», «научное превосходство лидеров» и «единство и послушание подчиненных». Ницше продолжает: «*Kurz: wesentlich Elemente, die nichts mit der Kultur zu thun haben, haben gesiegt, und nur darüber kann man sich wundern, daß die Kultur so wenig hemmend in diese militärischen Erfordernisse dazwischengetreten ist: daß sie entweder so ohnmächtig war oder so zugehörig dienstfertig*»³. Прусская победа над Францией показала лишь, что в Германии «*höchsten zweideutigen, unfertigen, unnationalen Kultur, einer wahren Verlegenheits-Cultur plötzlich, der den Triumphator-Mantel sich umlegt*»⁴. Но не только это: критика Ницше нацелена также на строгое разделение сфер познания. В то время, когда Ницше был молод, важными ориентирами для возрождения немецкой культуры были Гете, Шиллер, Лессинг, Шопенгауэр («*Er ist grob wie Luther*»⁵) и Вагнер.

Кроме того, нельзя забывать и о том, что Ницше восхищался Бурхардтом, его историческим методом. Задача философа – восстановить связь с культурой, принять все результаты познания и поставить вопрос о ценности знания: «*Es ist wohl nur die Vereinzelung des Erkennens durch Trennung der Wissenschaften, daß das Erkennen und die Kultur einander fremd bleiben können. Im Philosophen berührt sich das Erkennen wieder mit der Kultur. Er umfaßt das Wissen und regt die Frage nach dem Werthe der*

---

¹ *Культура* есть прежде всего единство художественного стиля во всех жизненных проявлениях народа («Давид Штраус, исповедник и писатель»).

² ...будто немецкая культура тоже победила в этой борьбе и потому должна быть теперь увенчана лаврами (Там же).

³ Словом, элементы, не имеющие к культуре никакого отношения, важнейшие из которых у противника отсутствовали, – вот что способствовало нашей победе над ним. Можно лишь удивляться тому, что нечто, называющееся в сегодняшней Германии «культурой», практически не препятствовало достижению этих военных успехов, – вероятно только потому, что это именующееся культурой нечто сочло для себя более выгодным проявить на сей раз услужливость (Там же).

⁴ ...в высшей степени двусмысленная, не сложившаяся, лишенная национального значения культура, культура поистине постыдная, вдруг драпируется в плащ триумфатора («Черновики и наброски 1869–1873»).

⁵ Он груб, как Лютер (Там же).

Erkenntniß auf. Das ist ein Kulturproblem: Erkenntniß und Leben»¹. В то же время, Ницше считал, что язык обладает особой способностью – с помощью присущего ему «метафизического волшебства» он создает единство из множества: «In dieser Noth halte ich mich an die deutsche Sprache, die wahrhaftig bis jetzt allein sich durchgerettet hat, durch all die Mischung von Nationalitäten und Wechsel der Zeiten und Sitten, und meine, daß ein metaphysischer Zauber, Einheiten aus Vielheiten, Einartiges aus Vielartigem zu gebären, in der Sprache liegen müsse»².

Ницше не преуменьшает значение исторического контекста, как он пишет об этом в «О пользе и вреде истории для жизни» (1874). Задача историка заключается в том, чтобы узнать, насколько «gross die plastische Kraft eines Menschen, eines Volkes, einer Cultur ist, ich meine jene Kraft, aus sich heraus eigenartig zu wachsen, Vergangenes und Fremdes umzubilden und einzuverleiben, Wunden auszuheilen, Verlorenes zu ersetzen, zerbrochene Formen aus sich nachzuformen»³. Ницше убежден, что одностороннее понимание истории может привести к гибели любой культуры, и пишет: «Unsre historische Bildung auf den Tod jeder Kultur. Sie kämpft gegen die Religionen, – nebenbei vernichtet sie die Kulturen. Es ist eine unnatürliche Reaktion gegen furchtbaren religiösen Druck – jetzt ins Extreme flüchtend. Ohne jedes Maß»⁴.

Он дает понять, что сильные личности знают, как построить правильные отношения с прошлым. Эти правильные отношения основаны на совершенствовании внутреннего мира личности, а также того, что является неисторическим. Ницше всегда готов отстаивать ценность внутренней свободы человека: «Ach ich merke wohl, ihr wisst nicht, was Vereinsamung ist. Wo es mächtige Gesellschaften, Regierungen, Religionen, öffentliche Meinungen gegeben hat, kurz wo je eine Tyrannei war, da hat sie den einsamen Philosophen gehasst; denn die Philosophie eröffnet dem Men-

---

¹ Причина того, что познание и культура могут оставаться чуждыми друг другу, – в обособлении знаний как следствии разделения наук. В философе познание снова входит в соприкосновение с культурой. Он охватывает все знание и ставит вопрос о его ценности. Это – проблема культуры: познание и жизнь (Там же).

² В этой беде я верю только в немецкий язык, которому и в самом деле единственному до сих пор удалось спастись, несмотря на всяческое смешение наций и смену времен и нравов. И я думаю, что волшебная метафизическая сила преобразовать множество в единство, разнородное в однородное заключена именно в языке (Там же).

³ ...велика пластическая сила человека, народа или культуры; я разумею силу самобытно расти из себя самого, претворять и поглощать прошедшее и чужое и излечивать раны, возмещать утраченное и восстанавливать из себя самого развитые формы («О пользе и вреде истории для жизни»).

⁴ Наше историческое образование – к смерти культуры. Оно борется против религий – и по пути уничтожает культуру. Это неестественная реакция против плодотворного религиозного давления – ныне бросившаяся в крайности. Без чувства меры («Черновики и наброски 1869–1873»).

schen ein Asyl, wohin keine Tyrannei dringen kann, die Höhle des Innerlichen, das Labyrinth der Brust: und das ärgert die Tyrannen»¹.

Аисторическое, куда попадает «Я», пройдя по лабиринтам душевных глубин, согласно Ницше, «ist einer umhüllenden Atmosphäre ähnlich, in der sich Leben allein erzeugt, um mit der Vernichtung dieser Atmosphäre wieder zu verschwinden»². Это парадокс, потому что Ницше исторически существующим людям ставит задачу мыслить неисторически и, следовательно, забывать. «Я» должно относиться к прошлому критически, если оно хочет оставаться свободным, чтобы определять границы возможных своих действий. В рамках такой концепции опыт времени обладает весьма значительным весом. Интимная жизнь конкретного человека зависит от времени, ибо она и есть время. По словам молодого Ницше, «es sollte eine schweigende Feierlichkeit sein, ganz Erinnerung, ganz Zukunft – die Gegenwart nichts als ein Gedankenstrich dazwischen»³. И снова Ницше подчеркивает важность переживания мгновения следующим образом: «Ich habe schon einmal gesagt, daß ein solches zweckloses Sich-Behagelassen am Moment, ein solches Sich-Wiegen auf dem Schaukelstuhl des Augenblicks für unsre allem Unnützen abholde Gegenwart fast unglauwürdig, jedenfalls tadelnswerth erscheinen muß»⁴.

Человек, который настаивает на такой позиции для себя и для других, убежден в существовании исторической и социальной реальности, которая подлежит трансформации. По этой причине необходимо поддерживать доверие к воле, действию и будущему. Но чтобы действовать, как напоминает нам Ницше, мы должны сначала погрузиться в аисторическое измерение, в котором происходит всякое историческое событие: необходимо создать соответствующую «атмосферу».

Начиная с этой аисторической атмосферы, свехисторическая самость приступает к процессу преобразования реальности. При этом самость более инклюзивна, чем «Я», потому что возникает в описанной выше свехисторической атмосфере. Инклюзивная самость является активной и прогрессирующей, потому что она воспитывается историей. Она

---

¹ Ах, я вижу, вам неизвестно, что такое одиночество. Где существовали сильные общества, правительства, религии, публичные мнения, короче говоря, где была какая-нибудь тирания, там она всегда ненавидела одиноких философов; ведь философия предоставляет человеку убежище, куда нет доступа никакой тирании, – пещеру душевных глубин, лабиринт груди: а тиранов это бесит («Шопенгауэр как воспитатель»).

² ...подобно окутывающей атмосфере, в которой жизнь создается лишь с тем, чтобы исчезнуть вновь с уничтожением этой атмосферы («О пользе и вреде истории для жизни»).

³ ...это должно было быть молчаливое празднование, всецело – воспоминание, всецело – будущее, а настоящее – только лишь мысленная черта между ними («О будущности наших образовательных учреждений»).

⁴ Я уже говорил, что такое бесцельное наслаждение моментом, такое самоубаюкивание в кресле-качалке мгновения должно казаться невероятным, во всяком случае предосудительным, нашей враждебной всему бесполезному действительности (Там же).

постигла, что самые значительные исторические события – это те, которые содействуют жизни. Если мы посмотрим на все это не с точки зрения индивида, а с точки зрения народов, то мы увидим, что в данном случае Ницше также подчеркивает важность единства разума и жизни.

Он справедливо восклицает: «Was soll noch gehofft, noch geglaubt werden, wenn der Quell des Glaubens und Hoffens getrübt ist, wenn die Innerlichkeit gelernt hat, Sprünge zu machen, zu tanzen, sich zu schminken, mit Abstraction und Berechnung sich zu äussern und sich selbst allgemach zu verlieren! Und wie soll der grosse productive Geist es unter einem Volke noch aushalten, das seiner einheitlichen Innerlichkeit nicht mehr sicher ist und das in Gebildete mit verbildeter und verführter Innerlichkeit und in Ungebildete mit unzugänglicher Innerlichkeit auseinanderfällt!»¹.

В процитированном отрывке Ницше подчеркивает важность перехода от индивидуума к духовному единству народа. В другом отрывке, однако, Ницше поднимает проблему «создания истории» и утверждает, что ничего нового и творческого нельзя ожидать от истории, если личности исчезли, вплоть до «вечного отсутствия субъекта». Из цитируемых текстов мы можем ясно понять, что Ницше смотрит на историю с позиции того самого внутреннего мира, из которого «Я» получает доступ к сверхисторическому измерению. На этом уровне история должна способствовать развитию более высокой культуры, которая может радикально изменить ее курс. Эта культура должна обнажить зазор в истории, чтобы вновь установить разрыв между «Я» и миром. Молодой Ницше придает большое значение «метафизическому гению». Согласно Ницше, у гения есть «метафизическая родина», которая обуславливает его происхождение. Каждая гениальная личность получает свой эликсир жизни из сверхисторического измерения, потому что она имеет «символическую природу». В то же время, гений «im Mutterschooße der Bildung eines Volkes gereift und genährt»².

Ницше высоко оценивает метафизический статус гения и почти приравнивает его к статусу святого. «Родина» гения должна быть населена дисциплиной и уважением. Образование молодежи, в особенности то, которое дается в гимназии, должно включать в себя обучение дисциплине и уважению, чтобы будущие взрослые люди населяли мир с чувством ответственности за все, что является великим и благородным. К величайшим и благороднейшим вещам относится культура, которая отража-

---

¹ К чему еще надеяться, к чему верить, когда самый источник веры и надежды замутился; когда наша внутренняя природа научилась делать скачки, плясать, румяниться, проявлять себя в абстрактной форме и с известным расчетом, постепенно утрачивая способность находить самое себя! И как может великий продуктивный ум долго выдержать среди народа, который не уверен больше в единстве своего внутреннего мира и который распался на две половины: на образованных с искаженным и запутанным внутренним миром и на необразованных с недоступным внутренним миром! («О пользе и вреде истории для жизни»).

² ...созрел и выкормился на материнском лоне образованности народа («О будущности наших образовательных учреждений»).

ет аристократическую природу каждого свободного духа и, следовательно, личностей, которые призваны ее защищать и представлять.

Ницше основывает это аристократическое чувство на интимной связи между самостью и природой и замечает: «Wollt ihr einen jungen Menschen auf den rechten Bildungspfad geleiten, so hütet euch wohl, das naive zutrauensvolle, gleichsam persönlich-unmittelbare Verhältniß desselben zur Natur zu stören: zu ihm müssen der Wald und der Fels, der Sturm, der Geier, die einzelne Blume, der Schmetterling, die Wiese, die Bergeshalde in ihren eignen Zungen reden, in ihnen muß er gleichsam sich wie in zahllosen auseinandergeworfnen Reflexen und Spiegelungen, in einem bunten Strudel wechselnder Erscheinungen wiedererkennen; so wird er unbewußt das metaphysische Einssein aller Dinge an dem großen Gleichniß der Natur nachempfinden und zugleich an ihrer ewigen Beharrlichkeit und Nothwendigkeit sich selbst beruhigen. Aber wie vielen jungen Menschen darf es gestattet sein, so nahe und fast persönlich zur Natur gestellt heranzuwachsen!»¹.

Рассуждения Ницше об идентичности как нельзя лучше способствуют тому, чтобы и каждая культура, и каждый отдельный человек смогли глубоко взглянуть на себя, поставить себя под вопрос. Именно в глубинах внутреннего мира культура находит своего вождя, своего высшего вождя, которому даже может быть суждено изменить историю: «Die Philosophie soll den *geistigen Höhenzug* durch die Jahrhunderte festhalten: damit die ewige Fruchtbarkeit alles Großen»².

И снова Ницше пишет о превосходстве высших личностей в культуре, поскольку они выражают гения каждой эпохи: «Wenn wir die *großen Individuen* als unsere Leitsterne gebrauchen, so verschleiern wir viel an ihnen, ja wir verhüllen alle die Umstände und Zufälle, die ihr Entstehen möglich machen, wir *isolieren* sie uns, um sie zu verehren»³.

Вообще функция этих высших людей может быть понята исходя не из мечтательного идеализма, а только через размышление о цивилизации будущего – в этом и заключается философия силы и действия: «Daß die großen Momente eine Kette bilden, daß sie, als Höhenzug, die Mensch-

¹ Если вы хотите вести молодого человека по правильному образовательному пути, то остерегайтесь нарушать его наивное, доверчивое, личное и непосредственное отношение к природе, пусть и лес, и скалы, и буря, и коршун, каждый отдельный цветок и мотылек, и лужайка, и горный склон разговаривают с ним на своем языке: в них, как в бесчисленных разбросанных отблесках и отражениях, в пестром потоке сменяющихся явлений, пусть узнает он себя. Таким образом он бессознательно ощутит метафизическое единство всех вещей на великом примере природы и в то же время обретет успокоение перед лицом ее вечного постоянства и необходимости. Но многим ли молодым людям дозволено вырасти в столь близких, почти личных отношениях к природе? (Там же).

² Философия должна пронести *возвышенность духа* через века: отсюда вечная плодотворность всего великого («Черновики и наброски 1869–1873»).

³ Когда мы относимся к *великим людям* как к нашим путеводным звездам, мы многое в них замечаем, мы даже скрываем все те обстоятельства и случайности, которые обусловили их появление, мы их для себя *изолируем*, чтобы иметь возможность их чтить (Там же).

heit durch Jahrtausende hin verbinden, daß für mich das Größte einer vergangenen Zeit auch groß ist und daß der ahnende Glaube der Ruhmbegierde sich erfülle, das ist der Grundgedanke der *Kultur*. An der Forderung daß das Große ewig sein soll, entzündet sich der furchtbare Kampf der *Kultur*; denn alles Andere, was noch lebt, ruft Nein!»¹.

Затем Ницше делает шаг вперед и создает предпосылки для сверхкультурной рефлексии, когда пишет: «Und doch erwachen immer wieder Einige, die sich, im Hinblick auf jenes Große, so beseligt fühlen, als ob das Menschenleben eine herrliche Sache sei und als ob es als schönste Frucht dieses bitteren Gewächses gelten müsse, zu wissen daß einmal einer stolz und stoisch durch dieses Dasein gegangen ist, ein anderer mit Tiefsinn, ein dritter mit Erbarmen, alle aber eine Lehre hinterlassend, daß der das Dasein am schönsten lebt, der es nicht achtet»².

Здесь должен быть задан вопрос о том, кем являются те субъекты, которые, с точки зрения молодого Ницше, противостоят деконструкции. Это философы, художники и святые. Это основополагающая идея культуры, утверждает Ницше, «insofern diese jedem Einzelnen von uns nur Eine Aufgabe zu stellen weiss: die Erzeugung des Philosophen, des Künstlers und des Heiligen in uns und ausser uns zu fördern und dadurch an der Vollendung der Natur zu arbeiten»³.

Творец культуры с необходимостью обращается к внешнему миру, потому что «die Menschen, mit denen wir leben, einem Trümmerfelde der kostbarsten bildnerischen Entwürfe gleichen, wo alles uns entgegenruft: kommt, hilft, vollendet, bringt zusammen, was zusammengehört, wir sehen uns unermesslich, ganz zu werden»⁴.

¹ То, что великие моменты образуют неразрывную цепь, что они, как горная гряда, сквозь тысячелетия объединяют собою человечество, что величайшее из какой-то ушедшей эпохи является великим также и для меня, и то, что вера чаемой славы исполняется, – все это есть коренная идея *культуры*. Вокруг требования, что великое должно быть вечным, разгорается ожесточенная борьба *культуры*; ибо все прочее, что существует вокруг, кричит: «Нет!» («Пять предисловий к пяти ненаписанным книгам»).

² И все же вновь и вновь пробуждаются те, кто, оглядываясь на это великое, чувствуют в себе такое воодушевление, как если бы жизнь была чем-то восхитительным и как если бы прекраснейшим плодом этого горького урожая было знание о том, что один прошел некогда через это существование гордо и стойчески, другой – с глубиной проникновения, третий – с состраданием, но все они – оставив после себя учение о том, что лучше всего проживает жизнь тот, кто ни во что ее не ставит (Там же).

³ ...насколько таковая сумеет поставить перед каждым из нас лишь одну задачу: содействовать созданию в нас и вне нас философа, художника и святого и тем самым работать над завершением природы («Шопенгауэр как воспитатель»).

⁴ ...люди, с которыми мы живем, выглядят как груда осколков на месте ценнейших ваятельских пробных работ, и эти осколки взывают к нам: придите, помогите, доведите до конца, соедините то, что должно быть вместе, – мы неизмеримо тоскуем в желании стать целыми (Там же).

3. «Мои преодоления»: основы интеркультурных отношений

Размышляя о культурной идентичности греков, молодой Ницше подчеркивал необходимость обуздания хаоса и указывал на сложности, которые возникают в результате сосуществования разнородных элементов. Во фрагменте весны–лета 1876 года Ницше предложил интересный путь к интеграции. О будущих мыслителях и «свободных умах» он пишет следующее: «Ich imaginäre zukünftige Denker, in denen sich die europäisch-amerikanische Rastlosigkeit mit der hundertfach vererbten asiatischen Beschaulichkeit verbindet: eine solche Kombination bringt das Welträthsel zur Lösung. Einstweilen haben die betrachtenden Freigeister ihre Mission: sie heben alle die Schranken hinweg, welche einer Verschmelzung der Menschen im Wege stehen: Religionen Staaten monarchische Instinkte Reichthums- und Armutsillusionen, Gesundheits- und Rassenvorurteile – usw.»¹.

Анализ фрагмента показывает, что молодой Ницше ставит проблему культуры как интеграции. Причем он не ограничивается общими соображениями, а вводит специальное понятие – «свободный ум». Преодолевая сложности, обусловленные историческими реалиями, свободные умы должны выполнять важнейшую функцию: максимально содействовать «слиянию» людей, минимизируя значение религиозных, культурных и политических факторов.

Исходя из этих предположений, Ницше в предисловии ко второму тому «Человеческого, слишком человеческого» (1886) использует понятие «преодоление», чтобы объяснить, что каждый индивид, как и каждая культура, может достичь «преодоления себя».

В этом случае индивид должен распознать болезнь (т. е. *décadence*) культуры. Он должен пройти через опыт конфликтов, чтобы вернуть совесть для более высоких задач: «Das Leben selbst *belohnt* uns für unsern zähen Willen zum Leben, für einen solchen langen Krieg, wie ich ihn damals mit mir gegen den Pessimismus der Lebensmüdigkeit führte, schon für jeden aufmerksamen Blick unsrer Dankbarkeit, der sich die kleinsten, zartesten, flüchtigsten Geschenke des Lebens nicht entgehn lässt. Wir bekommen endlich dafür seine *grossen* Geschenke, vielleicht auch sein grösstes, das es zu geben vermag, – wir bekommen *unsre Aufgabe* wieder zurück»².

---

¹ Я воображаю себе *будущих мыслителей*, у которых европейско-американская неутомимость соединяется с воспринятой сотней всевозможных способов азиатской созерцательностью: подобная комбинация решает мировую загадку. До тех пор у свободных умов есть своя миссия: они уберут прочь все заслоны, поставленные на пути слияния человечества: религии, государства, монархические инстинкты, иллюзии богатства и бедности, предрассудки касательно здоровья и рас – и т.д. («Черновики и наброски 1874–1879 гг.»).

² Сама жизнь *вознаграждает* нас за упорное желание жить, за такую затяжную войну, какую я вел тогда с собою против пессимистической усталости от жизни, даже за любой внимательный взгляд благодарности, не упускающий и самых мелких, бранных и эфемерных даров жизни. За все это мы получаем, в конце концов, ее *великие* дары, а, может быть, и величайший дар, какой она только может пре-

Ницше обращается к людям будущего, более редким и «более духовным» и, следовательно, более «смелым», к тем, кто должен представлять совесть современной души, но должен выполнять миссию: «den Weg zu einer neuen Gesundheit zu wissen, ach! und zu gehen, einer Gesundheit von Morgen und Uebermorgen, ihr Vorherbestimmten, ihr Siegreichen, ihr Zeit- Ueberwinder, ihr Gesundesten, ihr Stärksten, ihr guten Europäer!»¹.

Важно подчеркнуть, как Ницше в ряде случаев, особенно начиная с «Человеческого, слишком человеческого», настаивает на необходимости восстановления «динамического» отношения к прошлому, которое складывается из работы культур. Однако более зрелые культуры должны уметь видеть за пределами себя и проникать за пределы собственной сферы: «In Hinsicht auf die Zukunft erschliesst sich uns zum ersten Male in der Geschichte der ungeheure Weitblick menschlich-ökumenischer, die ganze bewohnte Erde umspannender Ziele»². Далее, в этом же тексте, Ницше прямо пишет: «Die Menschheit kann von nun an durchaus mit sich anfangen, was sie will»³.

Начиная с «Человеческого, слишком человеческого», Ницше чувствует потребность в духовном обновлении и, помимо тезиса об улучшении истории, выдвигает на первый план требование исцеления и здоровья для человечества будущего, которое, чтобы существовать наилучшим образом, должно иметь естественную и социальную среду, подходящую для его жизненных потребностей: «Die verschiedenen Culturen sind verschiedene geistige Klimate, von denen ein jedes diesem oder jenem Organismus vornehmlich schädlich oder heilsam ist. Die Historie im Ganzen, als das Wissen um die verschiedenen Culturen, ist die Heilmittellehre, nicht aber die Wissenschaft der Heilkunst selber. Der Arzt ist erst recht noch nötig, der sich dieser Heilmittellehre bedient, um Jeden in sein ihm gerade erspriessliches Klima zu senden – zeitweilig oder auf immer. In der Gegenwart leben, innerhalb einer einzigen Cultur, genügt nicht als allgemeines Recept, dabei würden zu viele höchst nützliche Arten von Menschen aussterben, die in ihr nicht gesund athmen können. Mit der Historie muss man ihnen Luft machen und sie zu erhalten suchen; auch die Menschen zurückgebliebener Culturen haben ihren Werth»⁴.

поднести нам: мы получаем наше *утраченное задание* («Человеческое, слишком человеческое»).

¹ ...знать путь к новому здоровью, да! и идти к здоровью завтрашнего и послезавтрашнего дня, вы, призванные, победоносные, преодолевающие эпоху, самые здоровые, самые сильные, вы, хорошие европейцы (Там же).

² Вместе с тем для нас впервые в истории по отношению к будущему раскрылся необъятный кругозор человеческих экономических целей, охватывающих весь земной шар («Смешанные мнения и изречения»).

³ Человечество может, начиная с настоящего времени, делать с собою все, что хочет (Там же).

⁴ Различные культуры представляют различные духовные климаты, вредные или полезные для того или другого организма. История в целом, знакомя нас с различными культурами, дает нам рецепты лекарств, но не учит, как надо ими пользоваться. Для того, чтобы воспользоваться рецептами предлагаемых ею ле-

Для достижения этих целей необходимо «жить просто», уделяя больше времени размышлениям и изобретательности. Это означает заново открыть чувство добродетели и быть добродетельным, чтобы преодолеть само человеческое состояние: это означает научиться превосходить себя. Это может произойти только через культуру, которая больше не стыдится себя и заново обнаруживает спонтанные жесты возвышения и эмоции, а также – и прежде всего – создает новые системы философии и новые мировоззрения.

Но Ницше имеет дело с другой деконструкцией идентичностей и культур, которая, безусловно, сильно отличается по форме и содержанию от той, которую он предпринял. Речь идет о «машинной культуре». Машина, пишет Ницше, «setzt bei den Personen, welche sie bedienen, fast nur die niederen gedankenlosen Kräfte in Bewegung»¹; «sie giebt nicht den Antrieb zum Höhersteigen, zum Bessermachen, zum Künstlerwerden. Sie macht thätig und einförmig, – das erzeugt aber auf die Dauer eine Gegenwirkung, eine verzweifelte Langeweile der Seele, welche durch sie nach wechselvollem Müsiggange dürsten lernt»². И добавляет, уточняя: «Die Maschine lehrt durch sich selber das Ineinandergreifen von Menschenhaufen, bei Actionen, wo Jeder nur Eins zu thun hat: sie giebt das Muster der Partei-Organisation und der Kriegsführung. Sie lehrt dagegen nicht die individuelle Selbstherrlichkeit: sie macht aus Vielen eine Maschine, und aus jedem Einzelnen ein Werkzeug zu einem Zwecke. Ihre allgemeinste Wirkung ist, den Nutzen der Centralisation zu lehren»³.

Как можно противостоять этой тенденции, которая делает все вещи и всех людей «однородными»? Необходимо занять критическую позицию и бороться с эпохой масс, чтобы восстановить иерархию ценностей, защищающую свободу индивидов и культур. Это означает замену однородности гетерогенностью и плюрализмом.

карств, надо прибегнуть к помощи врача, который отправит пациента в пригодный ему климат на время или навсегда. Нельзя заставить жить всех в какой-нибудь одной современной культуре: при этом бы вымерло слишком много в высшей степени полезных пород людей, которые не могли бы в ней свободно дышать. С помощью истории им можно дать нужного им воздуха и поддержать их жизнь; и люди устарелых культур имеют свою цену («Странник и его тень»).

¹ ...будучи сама произведением высших умственных сил, заставляет действовать у приводящих ее в движение людей только низшую, неосмысленную силу (Там же).

² ...она не побуждает к возвышению, к улучшению, к художественной работе. Она работает деятельно и однообразно, и это возбуждает, наконец, в виде реакции отчаянную душевную скуку, и, чтобы рассеять эту последнюю, человек жаждет полной разнообразия праздности (Там же).

³ В машине мы видим наглядный пример сплочения толпы народа, действующей сообща, причем каждому определено только одно какое-нибудь дело; машина дает нам образец организации партии и ведения войны. Но, сливая всех в одно целое – одну машину и делая каждого орудием для известной цели, она не способствует возвышению индивида. Вообще же она влияет тем, что учит нас пользе централизации (Там же).

Если машинизм и материализм ведут к централизации, то искусство ведет к освобождению. Но мы знаем, что искусства как такового уже недостаточно, потому что оно нуждается в поддержке науки – «веселой» науки. Вопрос о просвещении, безусловно, остается открытым. Ницше осторожен в этом отношении: просвещение должно очищаться от всякой романтической тенденции (например, в стиле Руссо) и, следовательно, от всякого фанатизма, чтобы изменять сначала индивидов, а затем очень медленно нравы и обычаи народов. Прежде, чем достичь сверхкультурной позиции, индивид, который понимается уже не как метафизическая субстанция, а только как сила и центр действия, должен признать также возможность отступления и одиночества. Ницше прямо пишет об этом: «Wir ziehen uns in's Verborgene zurück: aber nicht aus irgend einem persönlichen Missmuth, als ob uns die politischen und socialen Verhältnisse der Gegenwart nicht genugthäten, sondern weil wir durch unsere Zurückziehung Kräfte sparen und sammeln wollen, welche später einmal der Cultur ganz noth thun werden, je mehr diese Gegenwart diese Gegenwart ist und als solche ihre Aufgabe erfüllt. Wir bilden ein Capital und suchen es sicher zu stellen: aber, wie in ganz gefährlichen Zeiten, dadurch dass wir es vergraben»¹.

Именно в этом смысле Ницше использует понятие «свободный ум», которое определяет следующим образом: «Welcher anders denkt, als man von ihm auf Grund seiner Herkunft, Umgebung, seines Standes und Amtes oder auf Grund der herrschenden Zeitansichten erwartet. Er ist die Ausnahme, die gebundenen Geister sind die Regel; diese werfen ihm vor, dass seine freien Grundsätze ihren Ursprung entweder in der Sucht, aufzufallen, haben oder gar auf freie Handlungen, das heisst auf solche, welche mit der gebundenen Moral unvereinbar sind, schliessen lassen»².

Ницше, особенно начиная с «Человеческого, слишком человеческого», настаивает на необходимости «извлечь» цивилизацию из «смирительной рубашки» фальши и насилия, которыми пользуются отдельные люди, народы и религии: «Die Erdregierung des Menschen im Grossen hat der Mensch selber in die Hand zu nehmen»³. Это, несомненно, очень хоро-

---

¹ Мы удаляемся от общества, но не из личного недовольства, не из неудовлетворенности политическими или социальными условиями нашего времени, но потому, что мы хотим накопить и сохранить в нашем уединении силы, которые впоследствии будут так необходимы для культуры, если только не изменятся условия жизни и задачи настоящего времени. Мы составляем капитал и хотим его сберечь, но так как ему грозит расхищение, то мы его зарываем (Там же).

² Свободным умом называют того, кто мыслит иначе, чем от него ждут на основании его происхождения, среды, его сословия и должности или на основании господствующих мнений эпохи. Он есть исключение, связанные умы суть правило; последние упрекают его в том, что его свободные принципы либо возникли из желания выделяться, либо же заставляют в нем предполагать свободные поступки, т. е. поступки, несоединимые со связанной моралью («Человеческое, слишком человеческое»).

³ Все великое земное управление человеком человек должен сам взять в свои руки (Там же).

ший тезис. Здесь Ницше рассуждает о дальнейшей судьбе цивилизации. Из максимальной концентрации «сверхчеловеческой» энергии должно выйти то, что Ницше определяет как «die syklopischen Architekten und Wegebauer der Humanität»¹. Сверхкультурная перспектива, которая может возникнуть из интеркультурной позиции², должна дать человеку «двойной мозг», «gleichsam zwei Hirnkammern geben, einmal um Wissenschaft, sodann um Nicht-Wissenschaft zu empfinden: neben einander liegend, ohne Verwirrung, trennbar, abschliessbar; es ist dies eine Förderung der Gesundheit. Im einen Bereiche liegt die Kraftquelle, im anderen der Regulator: mit Illusionen, Einseitigkeiten, Leidenschaften muss geheizt werden, mit Hilfe der erkennenden Wissenschaft muss den böartigen und gefährlichen Folgen einer Ueberheizung vorgebeugt werden»³. Ницше пытается прояснить эту двойную позицию, ставя под вопрос европейскую идентичность.

Ницше опирается на концепцию Европы Байера, чтобы прояснить основания каждого из воззрений и дать общую оценку той роли, которую европейская цивилизация должна играть по отношению к другим культурам, например азиатской. Безусловно, это роль лидера, а не подчиненного. В данном контексте наука, безусловно, играет центральную роль.

Наука способствует развитию техники и машин и, следовательно, является причиной ускорения времени. В результате неизбежной жертвой становится созерцательная жизнь, а значит, и нравственность. Ум, т. е. время для размышлений и спокойствие в мышлении, полностью сменяется неистовой и навязчивой деятельностью. Этот процесс неизбежно ведет к «гомогенизации» точек зрения и различных идентичностей, что сразу же ставит под угрозу как способность достижения всеобъемлющей точки зрения культуры, так и основу интеркультурных отношений.

Ницше ясно дает понять, что именно свободные умы более всех испытывают страдания от такого ускорения. Хотя, как он пишет в конце афоризма, «eine solche Klage, wie die eben abgesungene, wird wahrscheinlich ihre Zeit haben und von selber einmal, bei einer gewaltigen Rückkehr

---

¹ ...циклопические архитекторы и пролагатели путей гуманности (Там же).

² Под интеркультурными отношениями я подразумеваю чисто «горизонтальные» отношения, основанные на принципе взаимного признания. В этом смысле интеркультурность можно понимать как временную и лингвистическую эволюцию интерсубъективности. Напротив, сверхкультурные отношения подразумевают «вертикальное» направление, восхождение, а не только общий путь и диалог: сверхкультурные отношения, по сути, являются перспективой, они указывают направление, в котором следует двигаться.

³ ...как бы две мозговые камеры: во-первых, чтобы воспринимать науку, и затем, чтобы воспринимать не-науку; они должны лежать рядом, быть отделимыми и замыкаемыми и исключать всякое смешение; это есть требование здоровья. В одной области лежит источник силы, в другой – регулятор; иллюзиями, односторонностями, страстями нужно нагревать, а с помощью познающей науки – предупреждать дурные и опасные последствия чрезмерного нагрева («Человеческое, слишком человеческое»).

des Genius' der Meditation, verstummen»¹. С этой точки зрения, интеркультурность может быть лишь одной из целей, которые ставит перед собой «высшая культура», поскольку она прежде всего ценит критику «глупости механики» гипотетически построенного однородного общества по принципу «равенства в неволе» (А. де Токвиль).

4. *Интеркультурность как моральная проблема:*

«Сделаться необходимою цепью из колец культуры»

Характеристики, данные Ницше своему времени, во многом применимы и к современности, особенно ввиду того, что созерцательная жизнь практически полностью уступила место жизни активной: с интеркультурной точки зрения это означает опустение храмов, вынужденную адаптацию языков внутренней личной сферы к прагматической и перформативной функциям внешнего языка: простого и упрощенного инструмента технологического общества, более не требующего усилий переводчика: *«Die moderne Unruhe. – Nach dem Westen zu wird die moderne Bewegtheit immer grösser, so dass den Amerikanern die Bewohner Europa's insgesamt sich als ruheliebende und geniessende Wesen darstellen, während diese doch selbst wie Bienen und Wespen durcheinander fliegen. Diese Bewegtheit wird so gross, dass die höhere Cultur ihre Früchte nicht mehr zeitigen kann; es ist, als ob die Jahreszeiten zu rasch auf einander folgten. Aus Mangel an Ruhe läuft unsere Civilisation in eine neue Barbarei aus. Zu keiner Zeit haben die Thätigen, das heisst die Ruhelosen, mehr gegolten. Es gehört desshalb zu den nothwendigen Correcturen, welche man am Charakter der Menschheit vornehmen muss, das beschauliche Element in grossem Maasse zu verstärken. Doch hat schon jeder Einzelne, welcher in Herz und Kopf ruhig und stetig ist, das Recht zu glauben, dass er nicht nur ein gutes Temperament, sondern eine allgemein nützliche Tugend besitze und durch die Bewahrung dieser Tugend sogar eine höhere Aufgabe erfülle»*².

К числу «высших задач», о которых Ницше упоминает в приведенном афоризме, относится сверхкультурность. Так или иначе, у человека

---

¹ ...жалоба, подобно только что пропетой, будет, вероятно, иметь свое время и некогда сама собой смолкнет при могущественном возрождении гения медитации (Там же).

² *Неуспокоенность современного человека.* – Чем дальше на запад, тем все сильнее современная непоседливость, и американцам обитатели Европы в целом представляются лежебоками и сластолюбцами, а ведь те и сами жужжат роями, словно пчелы и осы. Эта непоседливость растет так быстро, что плоды высшей культуры уже не успевают созреть; кажется, будто времена года стали сменять друг друга слишком скоро. Из-за нехватки покоя наша цивилизация выкипает в новое варварство. Еще ни в одну эпоху люди активные, то есть неуспокоенные, не имели такого большого веса. Поэтому одной из необходимых поправок, которые надо внести в характер человечества, будет очень серьезное усиление его созерцательных качеств. Ведь уже каждый отдельный человек, в уме и душе которого царят покой и неизменность, имеет право думать о себе, что обладает не только хорошим темпераментом, но и общепользуемой добродетелью, а храня эту добродетель, даже выполняет более высокую задачу (Там же).

есть «лестница с сотней ступеней», по которой он может подняться к познанию: «Man muss Religion und Kunst wie Mutter und Amme geliebt haben, – sonst kann man nicht weise werden»¹. Ницше выражается еще яснее, когда пишет: «Wandle zurück, in die Fussstapfen tretend, in welchen die Menschheit ihren leidvollen grossen Gang durch die Wüste der Vergangenheit machte: so bist du am gewissesten belehrt, wohin alle spätere Menschheit nicht wieder gehen kann oder darf»².

Однако Ницше не ограничивается этими соображениями. Он идет дальше и предлагает метафору «Я» как необходимую цепь «из колец культуры», которая, несомненно, имеет интеркультурное значение: «Dieses Ziel ist, selber eine nothwendige Kette von Cultur-Ringen zu werden und von dieser Nothwendigkeit aus auf die Nothwendigkeit im Gange der allgemeinen Cultur zu schliessen. Wenn dein Blick stark genug geworden ist, den Grund in dem dunklen Brunnen deines Wesens und deiner Erkenntnisse zu sehen, so werden dir vielleicht auch in seinem Spiegel die fernern Sternbilder zukünftiger Culturen sichtbar werden»³.

Ницшевский образ цепи из колец культуры подразумевает также, что каждое истинное звено культуры имеет своего исключительного представителя, который берет на себя руководящую функцию. На этом основании он признает легитимность даже «социалистического» мышления, хотя «nur innerhalb der herrschenden Classe, welche in diesem Falle die Gerechtigkeit mit Opfern und Verleugnungen übt»⁴.

Потребность в отступлении и уединении испытывают прежде всего «аристократические» души – те, которые «мечтают» о будущем сверхкультурном рае, потому что именно благородные люди создают новые ценности. Ницше пишет об этом, в частности, в «По ту сторону добра и зла» (1886): «Im Vordergrund steht das Gefühl der Fülle, der Macht, die überströmen will, das Glück der hohen Spannung, das Bewusstsein eines Reichthums, der schenken und abgeben möchte: – auch der vornehme Mensch hilft dem Unglücklichen, aber nicht oder fast nicht aus Mitleid, sondern mehr aus einem Drang, den der Überfluss von Macht erzeugt»⁵.

¹ Нужно полюбить религию и искусство, как мать и кормилицу, – иначе обрести мудрость нельзя (Там же).

² Иди вспять, ступая по следам, которые человечество оставило в своем злосчастном великом шествии через пустыню прошлого: тогда ты вернее всего научишься понимать, куда не сможет или не будет иметь права зайти снова все будущее человечество (Там же).

³ Цель эта – самому сделаться необходимою цепью из колец культуры и, исходя из этой необходимости, сделать вывод о необходимости в развитии всеобщей культуры. Если твой взгляд стал достаточно зорким, чтобы разглядеть дно в темном колодце своего характера и познания, то хотя бы на его поверхности для тебя, быть может, окажутся различимыми далекие созвездия будущих культур (Там же).

⁴ ...только внутри господствующего класса, который в таком случае реализует справедливость путем жертв и самоограничений (Там же).

⁵ Тут на первый план выступают чувство избытка, мощи, бьющей через край, счастье высокого напряжения, сознание богатства, готового дарить и раздавать: и

Говоря о свободном уме и о его одиночестве, Ницше всегда подробно разъясняет их содержание, и это необходимо для определения действий свободного ума в интеркультурном контексте: «In allen Ländern Europa's und ebenso in Amerika giebt es jetzt Etwas, das Missbrauch mit diesem Namen treibt, eine sehr enge, eingefangne, an Ketten gelegte Art von Geistern, welche ungefähr das Gegentheil von dem wollen, was in unsern Absichten und Instinkten liegt, – nicht zu reden davon, dass sie in Hinsicht auf jene heraufkommenden *neuen* Philosophen erst recht zugemachte Fenster und verriegelte Thüren sein müssen. Sie gehören, kurz und schlimm, unter die *Nivellirer*, diese fälschlich genannten „freien Geister“ – als beredte und schreibfingrige Sklaven des demokratischen Geschmacks und seine „modernen Ideen“»¹.

Ницше предупреждает своих последователей о том, что люди «без одиночества» – те, которые «не свободны» и «поверхностны», могут в корне погубить культуру: «Was sie mit allen Kräften erstreben möchten, ist das allgemeine grüne Weide-Glück der Heerde, mit Sicherheit, Ungefährlichkeit, Behagen, Erleichterung des Lebens für Jedermann»². Невнимание к прошлому и истории влечет за собой нерешенные проблемы, с которыми не всегда можно справиться, будучи легкомысленным; во всяком случае, Ницше настаивает на том, чтобы держать глаза и совесть открытыми для вопросов, «wo und wie bisher die Pflanze ‚Mensch‘ am kräftigsten in die Höhe gewachsen ist»³.

Итак, имея в виду эти последние суждения Ницше, мы видим, что критика «традиционного» понятия субъекта не означает полного отказа от преобразующей силы духа и воли, поскольку и тот и другая находят свое применение в измерении «Я». Ницше истолковывает «Я» уже не как «субстанцию», а скорее как огромное поле боя, т. е. как место, где сталкиваются враждебные друг другу силы, прежде всего инстинкты и влечения. Поскольку бессмертной души больше не существует, то «Я» выступает лишь «совокупностью» смертных душ. Несмотря на критическое отношение к западной метафизике и христианству, Ницше открыто признает ценность «молитвы», которую называет «нежным, тихим на-

знатный человек помогает несчастному, но не или почти не из сострадания, а больше из побуждения, вызываемого избытком мощи («По ту сторону добра и зла»).

¹ Во всех странах Европы, а также и в Америке есть нынче нечто злоупотребляющее этим именем, некий род очень узких, ограниченных, посаженных на цепь умов, которые хотят почти противоположного тому, что лежит в наших намерениях и инстинктах, – не говоря уже о том, что по отношению к этим будущим *новым* философам они окажутся лишь наглухо закрытыми окнами и запертыми на засов дверьми. Одним словом, они принадлежат к числу *нивелировщиков*, эти ошибочно названные «свободные умы» – словоохотливые рабы-борзописцы демократического вкуса и его «современных идей» (Там же).

² То, чего им хотелось бы всеми силами достигнуть, есть общее стадное счастье зеленых пастбищ, с его надежностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого (Там же).

³ ...где и как до сих пор растение “человек” наиболее мощно возрастало высь (Там же).

строем» и которая является условием достижения необходимого состояния бездействия. В соответствии с этим он замечает, что «die moderne, lärmende, Zeit-auskaufende, auf sich stolze, dumm-stolze Arbeitsamkeit, mehr als alles Übrige, gerade zum „Unglauben“ erzieht und vorbereitet»¹, и продолжает свою мысль далее: «Jede Zeit hat ihre eigene göttliche Art von Naivetät, um deren Erfindung sie andre Zeitalter beneiden dürfen: – und wie viel Naivetät, verehrungswürdige, kindliche und unbegrenzt tölpelhafte Naivetät liegt in diesem Überlegenheits-Glauben des Gelehrten, im guten Gewissen seiner Toleranz, in der ahnungslosen schlichten Sicherheit, mit der sein Instinkt den religiösen Menschen als einen minderwerthigen und niedrigeren Typus behandelt, über den er selbst hinaus, hinweg, hinauf gewachsen ist, – er, der kleine anmaassliche Zwerg und Pöbelmann, der fleisig-flinke Kopf- und Handarbeiter der „Ideen“, der „modernen Ideen“!»²

Как видно из только что процитированного отрывка, Ницше относится к толерантности с подозрением: в этой связи важно перейти от морали терпимости к морали «уважения». Личность, которая знает, как завоевать уважение, безусловно, имеет следующие характеристики: «die hohe unabhängige Geistigkeit, der Wille zum Alleinstehn, die grosse Vernunft»³. По меньшей мере, в глазах Ницше такой человек не характеризуется «das *Mittelmass* der Begierden»⁴.

Таким образом, интеркультурные отношения предполагают наличие высшей морали, которая бы предотвратила «общее вырождение человека», т. е. «diese Entartung und Verkleinerung des Menschen zum vollkommenen Heerdenthier (oder, wie sie sagen, zum Menschen der „freien Gesellschaft“), diese Verthierung des Menschen zum Zwergthiere der gleichen Rechte und Ansprüche»⁵.

Из этих соображений Ницше следует, что для того, чтобы великая цепь культур (если опять воспользоваться этой метафорой) оставалась крепкой, необходимо после деконструкции идентичностей восстановить «прочную» систему мысли.

¹ ...современное, шумливое, не теряющее времени даром, гордое собою, глупо гордое трудолюбие больше, чем все остальное, воспитывает и подготавливает именно к «неверию» (Там же).

² У каждой эпохи есть свой собственный божественный род наивности, и в том, что она его изобрела, другие эпохи ей могут только позавидовать. И сколько наивности, достопочтенной, ребячливой и совершенно бестолковой наивности в этой вере ученого в свое превосходство, в чистой совести его толерантности, в ни о чем не догадывающейся, простодушной уверенности, с которой его инстинкт смотрит на религиозного человека как на несостоящий и примитивный типаж, который он сам перерос, – он, маленький, заносчивый карлик и плебей, прилежно-расторопный умственный ремесленник «идей», «современных идей»! (Там же).

³ ...великий независимый дух, желание оставаться одиноким, великий разум (Там же).

⁴ ...*посредственностью* вожделений (Там же).

⁵ ...вырождение и измельчание человека до совершенного стадного животного (или, как они говорят, до человека «свободного общества»), превращение человека в карликовое животное с равными правами и притязаниями (Там же).

5. Предварительные выводы: человек «великого потока» и его судьба

Итак, мы вполне исчерпали интерпретативный ресурс текстов Ницше, строго придерживаясь их содержания.

Из нашего исследования вырисовывается фигура человека великого потока, который, как река, переносит людей и культуры в будущее. Безусловно, эта «прометеевская» фигура легко становится главным героем «большой политики», которая борется против малой политики. Однако здесь остается один, но очень проблематичный момент: критика Ницше демократии и социализма, критика, которая делает очень трудным определение перспективы интеркультурной политики на основе текстов Ницше. Другое дело – интеркультурная этика, которая кажется более ясной и приемлемой. Необходимо признать, что Ницше колеблется между *интеркультурной позицией* и *сверхкультурной перспективой*. На мой взгляд, в данном исследовании, по понятным причинам, этическая проблематика должна рассматриваться отдельно от политической, хотя бы просто потому, что Ницше в своей этической рефлексии является гораздо более ясным и аргументативным, чем когда он рассуждает о политике. Ницше взывает к совести философов, как если бы они были пророками и вершителями судеб. Например: «Die eigentlichen Philosophen aber sind Befehlende und Gesetzgeber: sie sagen „so soll es sein!“, sie bestimmen erst das Wohin? und Wozu? des Menschen und verfügen dabei über die Vorarbeit aller philosophischen Arbeiter, aller Überwältiger der Vergangenheit, – sie greifen mit schöpferischer Hand nach der Zukunft, und Alles, was ist und war, wird ihnen dabei zum Mittel, zum Werkzeug, zum Hammer. Ihr „Erkennen“ ist Schaffen, ihr Schaffen ist eine Gesetzgebung, ihr Wille zur Wahrheit ist – Wille zur Macht. – Giebt es heute solche Philosophen? Gab es schon solche Philosophen? Muss es nicht solche Philosophen geben?»¹.

Нет сомнения в том, что интеркультурная позиция, получившая, как говорилось выше, закрепление на уровне этической проблематики, напрямую связана с идеей величия, по меньшей мере в том смысле, как его понимает Ницше. Это творческая позиция, которую философ вырабатывает сам, позиция, позволяющая мыслить о возможном будущем, обуславливающая волю и, следовательно, способность принимать серьезные решения. Это, безусловно, фундаментальная позиция.

Она действительно становится таковой, когда зависит от этики ответственности. В этом случае «Я» может противоречить идеологическим установкам времени, потому что в конечном итоге его задача – явить «новое величие человека», «einen neuen ungegangen Weg zu seiner

---

¹ Подлинные же философы суть повелители и законодатели, они говорят: «так должно быть!», они-то и определяют «куда?» и «зачем?» человека и при этом распоряжаются подготовительной работой всех философских работников, всех победителей прошлого, – они простирают творческую руку в будущее, и всё, что есть и было, становится для них при этом средством, орудием, молотом. Их «познавание» есть созидание, их созидание есть законодательство, их воля к истине есть воля к власти. – Есть ли нынче такие философы? Были ли уже такие философы? Не должны ли быть такие философы? (Там же).

Vergrößerung zu wissen»¹. И здесь открывается уже сверхкультурная перспектива.

Сверхкультурная перспектива, вытекающая из рассуждений Ницше, предполагает идею величия, повышения человеческого достоинства, признание ценности различий. Таким образом, сверхкультурность обуславливает новые, более всеобъемлющие идентичности в той степени, в которой они возникают в результате деконструкции замкнутых идентичностей старых обществ, и именно потому, что они более свободны и креативны, чем предшествующие. Интеркультурность делает очевидным тот факт, что человечеству необходимы как противостояние истории (прошлому), так и собственное возвышение для освоения «потустороннего мира» (будущего).

Что касается метафоры потока, используемой Ницше для описания всеобъемлющей перспективы, то следует отметить, что она не ограничивается разрушением оснований, ибо в то же время требует их «реконструкции» на новых, «сверхкультурных» устоях. Кроме того, Ницше не отказывается и от добродетелей. Не случайно он пишет: «Wir Europäer von Übermorgen... wir werden vermuthlich, wenn wir Tugenden haben sollten, nur solche haben, die sich mit unsren heimlichsten und herzlichsten Hängen, mit unsren heissesten Bedürfnissen am besten vertragen lernten: wohlan, suchen wir einmal nach ihnen in unsren Labyrinthen! – woselbst sich, wie man weiss, so mancherlei verliert, so mancherlei ganz verloren geht. Und giebt es etwas Schöneres, als nach seinen eigenen Tugenden suchen? Heisst dies nicht beinahe schon: an seine eigne Tugend glauben?»².

Это тяготение позднего Ницше к Европе вполне закономерно: он ощущал необходимость создать сверхкультурную перспективу, которая могла бы возникнуть как раз из сравнения культур, критики слабой концепции толерантности, а также из критики расизма и национализма. Наконец, следует признать, что идеи Ницше являются лишь «эскизом» философии будущего.

Они являются теоретическим подспорьем и перспективой, поэтому необходимо правильно использовать его философию.

Литература

Исследования

1. Abel G. Bewusstsein-Sprache-Natur: Nietzsches Philosophie des Geistes // Nietzsche-Studien. 2001. Num. 30. S. 1–43.

¹ ...узнать новый, еще не изведанный путь к его возвеличению (Там же).

² Мы, европейцы послезавтрашнего дня... нам, вероятно, будь у нас добродетели, выпали бы на долю лишь такие, которые могли бы прекрасно ладить с самыми тайными и самыми близкими нашему сердцу склонностями, с самыми жгучими нашими потребностями. Что ж! поищем-ка их в наших лабиринтах, где, как известно, столь многое теряется, столь многое пропадает вовсе. И есть ли что-нибудь прекраснее, чем *искание* своих собственных добродетелей? Не означает ли это почти *веру* в собственную добродетель? (Там же).

2. *Acampora C.D.* Contesting Nietzsche. Chicago: The University of Chicago Press, 2013.
3. *A Companion to Nietzsche* / Ed. K. Ansell Pearson. Malden, MA; Oxford: Blackwell Pub., 2006.
4. *Campioni G.* L'identità ferita. Genealogie di vecchie e nuove intolleranze. Pisa: Edizioni ETS, 1993.
5. *Campioni G.* Nietzsche. La morale dell'eroe. Pisa: Edizioni ETS, 2008.
6. *Conway D.W.* Nietzsche and the Political. London/New York: Routledge, 1997.
7. *Deleuze G.* Nietzsche et la philosophie. Paris: PUF, 1962.
8. *Deleuze G., Guattari F.* Qu'est-ce que la philosophie? Paris: Les Éditions de Minuit, 1991.
9. *Derrida J.* Éperons. Les styles de Nietzsche. Paris: Flammarion, 1978.
10. *Nietzsche und Hegel* / Hrsg. M. Djurić, J. Simon. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1992.
11. *Fornet-Betancourt R.* Zur interkulturellen Transformation der Philosophie in Lateinamerika. Berlin: Iko-Verlag, 2002.
12. *Foucault M.* Nietzsche, la généalogie, l'histoire // Hommage à Jean Hyppolite / Ed. S. Bachelard. Paris: PUF. P. 145–172.
13. *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
14. *Nietzsche und die Kultur: eine Beitrag zu Europa?* / Hrsg. G. Goedert, U. Nussbaumer-Benz. Hildesheim: Olms Verlags, 2002.
15. *Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988.
16. *Han B.C.* Duft der Zeit. Ein philosophischer Essay zur Kunst der Verweilens. Bielefeld: Transcript Verlag, 2009.
17. *Heidegger M.* Nietzsche. 2 Bände. Pfullingen: Neske Verlag, 1961.
18. *Kaufmann W.* Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Anti-Christ. New York: Meridian Books, 1968.
19. *Kofman S.* Nietzsche et la métaphore. Paris: Payot, 1972.
20. *Lévi-Strauss C.* Le regard éloigné. Paris: Plon, 1983.
21. *Lévy A.* Stirner et Nietzsche. Paris: Société Nouvelle de Librairie et d'Édition, 1904.
22. *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. Paris: Les éditions de Minuit, 1979.
23. *Màdera R.* Sconfitta e utopia. Identità e feticismo attraverso Marx e Nietzsche. Milano: Mimesis, 2018.
24. *Marton S.* Nietzsche, filósofo da suspeita. Rio de Janeiro: Casa da Palavra, 2010.
25. *Nehamas A.* Nietzsche. Life as Literature. Cambridge/London: Harvard University Press, 1985.
26. *Pippin R.B.* The Persistence of Subjectivity. On the Kantian Aftermath. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
27. *Pippin R.B.* Nietzsche, Psychology, and First Philosophy. Chicago/London: The University of Chicago Press, 2010.
28. *Roni R.* La persistenza dell'istinto. Pulsioni vitali dell'esistenza, prefazione di Remo Bodei. Pisa: Edizioni ETS, 2007.
29. *Roni R.* Tra Nietzsche e Freud. Soggetto, potere, esperienza del male. Perugia: Morlacchi Editore University Press, 2012.
30. *Roni R.* Il flusso interculturale. Pragmatismo etico e peso della storia nella filosofia emergente. Milano: Mimesis, 2017.

31. *Rücker H.* In globaler Perspektive. Wissenschaftliche Wahrheit und menschliche Lebensorientierung. Hamburg: Disserta Verlag, 2015.
32. *Sánchez Meca D.* El nihilismo. Perspectivas sobre la historia espiritual de Europa. Madrid: Editorial Síntesis, 2004.
33. *Siemens H.W.* Agonal Configurations in the Unzeitgemässe Betrachtungen: Identity, Mimesis and the Übertragung of Cultures in Nietzsche's Early Thought // *Nietzsche-Studien*. 2001. Num. 30. S. 80–106.
34. Nietzsche, Power and Politics. Rethinking Nietzsche's Legacy for Political Thought / Eds. H. W. Siemens, V. Roodt. Berlin/London: de Gruyter, 2008.
35. Nietzsche – Philosoph der Kultur(en)? / Hrsg. A. U. Sommer. Berlin/London: de Gruyter, 2008.
36. *Stegmaier W.* Europa im Geisterkrieg. Studien zu Nietzsche / Hrsg. A. Bertino. Cambridge: Open Book Publishers, 2018.
37. *Totaro F.* Nietzsche e la provocazione del superuomo. Per un'etica della misura. Roma: Carocci, 2004.
38. *Vattimo G.* Il soggetto e la maschera. Nietzsche e il problema della liberazione. Milano: Bompiani, 1974.
39. *Welsch W.* Nietzsche über die Zukunft Europas: Tyrannen oder Nomaden? // *Sichtweisen. Völker und Vaterländer*. Weimar: Weimarer Klassik, 1995. S. 87–108.
40. *Welsch W.* Transculturality: The Puzzling form of Cultures Today // *Spaces of Culture. City, Nation, World* / Eds. M. Featherstone, S. Lash. London: Sage, 1999. P. 194–213.
41. *Wimmer F.M.* Interkulturelle Philosophie. Wien: Passagen Verlag, 1989.
42. *Wotling P.* Nietzsche et le problème de la civilisation. Paris: PUF, 1998.
43. *Wotling P.* La philosophie de l'esprit libre. Introduction à Nietzsche. Paris: Flammarion, 2008.
44. *Zavatta B.* Individuality and Beyond. Nietzsche Reads Emerson / trans. by A. Reynolds. Oxford: Oxford University Press, 2019.

Источники

45. Nietzsche source. Digital critical edition (eKGWB), URL: <http://www.nietzsche-source.org/#eKGWB>.
46. *Nietzsche F.* Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden / Hrsg. G. Colli, M. Montinari. Berlin: Walter de Gruyter, 1967–1977.

Roni, Riccardo. *Nietzsche and the Deconstruction of Identities: The “Free Spirits” in Intercultural Societies*

References

1. Abel, G. (2001), *Bewusstsein-Sprache-Natur: Nietzsches Philosophie des Geistes*, in: *Nietzsche-Studien*, no. 30, S. 1–43.
2. Acampora, C.D. (2013), *Contesting Nietzsche*, The University of Chicago Press, Chicago.
3. Ansell Pearson, K. (ed.) (2006), *A Companion to Nietzsche*, MA, Malden; Blackwell Pub., Oxford.
4. Campioni, G. (1993), *L'identità ferita. Genealogie di vecchie e nuove intolleranze*, Edizioni ETS, Pisa.
5. Campioni, G. (2008), *Nietzsche. La morale dell'eroe*, Edizioni ETS, Pisa.

6. Conway, D.W. (1997), *Nietzsche and the Political*, Routledge, London/New York.
7. Deleuze, G. (1962), *Nietzsche et la philosophie*, PUF, Paris.
8. Deleuze, G., and Guattari, F. (1991), *Qu'est-ce que la philosophie?*, Les Éditions de Minuit, Paris.
9. Derrida, J. (1978), *Éperons. Les styles de Nietzsche*, Flammarion, Paris.
10. Djurić, M., and Simon, J. (Hrsg.) (1992), *Nietzsche und Hegel*, Königshausen und Neumann, Würzburg.
11. Fornet-Betancourt, R. (2002), *Zur interkulturellen Transformation der Philosophie in Lateinamerika*, Iko-Verlag, Berlin.
12. Foucault, M. (1971), Nietzsche, la généalogie, l'histoire, in: Bachelard, S. (ed.), *Hommage à Jean Hyppolite*, PUF, Paris, pp. 145–172.
13. Geertz, C. (1973), *The Interpretation of Cultures*, Basic Books, New York.
14. Goedert, G., and Nussbaumer-Benz, U. (Hrsg.) (2002), *Nietzsche und die Kultur: eine Beitrag zu Europa?*, Olms Verlags, Hildesheim.
15. Habermas, J. (1988), *Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main.
16. Han, B.C. (2009), *Duft der Zeit. Ein philosophischer Essay zur Kunst der Verweilens*, Transcript Verlag, Bielefeld.
17. Heidegger, M. (1961), *Nietzsche*, 2 Bände, Neske Verlag, Pfullingen.
18. Kaufmann, W. (1968), *Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Anti-Christ*, Meridian Books, New York.
19. Kofman, S. (1972), *Nietzsche et la métaphore*, Payot, Paris.
20. Lévi-Strauss, C. (1983), *Le regard éloigné*, Plon, Paris.
21. Lévy, A. (1904), *Stirner et Nietzsche*, Société Nouvelle de Librairie et d'Édition, Paris.
22. Lyotard, J.-F. (1979), *La condition postmoderne. Rapport sur le savoir*, Les éditions de Minuit, Paris.
23. Mådera, R. (2018), *Sconfitta e utopia. Identità e feticismo attraverso Marx e Nietzsche*, Mimesis, Milano.
24. Marton, S. (2010), *Nietzsche, filósofo da suspeita*, Casa da Palavra, Rio de Janeiro.
25. Nehamas, A. (1985), *Nietzsche. Life as Literature*, Harvard University Press, Cambridge/London.
26. Pippin, R.B. (2005), *The Persistence of Subjectivity. On the Kantian Aftermath*, Cambridge University Press, Cambridge.
27. Pippin, R.B. (2010), *Nietzsche, Psychology, and First Philosophy*, The University of Chicago Press, Chicago/London.
28. Roni, R. (2007), *La persistenza dell'istinto. Pulsioni vitali dell'esistenza*, prefazione di Remo Bodei, Edizioni ETS, Pisa.
29. Roni, R. (2012), *Tra Nietzsche e Freud. Soggetto, potere, esperienza del male*, Morlacchi Editore University Press, Perugia.
30. Roni, R. (2017), *Il flusso interculturale. Pragmatismo etico e peso della storia nella filosofia emergente*, Mimesis, Milano.
31. Rücker, H. (2015), *In globaler Perspektive. Wissenschaftliche Wahrheit und menschliche Lebensorientierung*, Disserta Verlag, Hamburg.
32. Sánchez Meca, D. (2004), *El nihilismo. Perspectivas sobre la historia espiritual de Europa*, Editorial Síntesis, Madrid.

33. Siemens, H.W. (2001), Agonal Configurations in the Unzeitgemässe Betrachtungen: Identity, Mimesis and the Übertragung of Cultures in Nietzsche's Early Thought, in: *Nietzsche-Studien*, no. 30, S. 80–106.
34. Siemens, H.W., and Roodt, V. (eds.) (2008), *Nietzsche, Power and Politics. Rethinking Nietzsche's Legacy for Political Thought*, de Gruyter, Berlin/London.
35. Sommer, A.U. (Hrsg.) (2008), *Nietzsche – Philosoph der Kultur(en)?*, de Gruyter, Berlin/London.
36. Stegmaier, W. (2018), *Europa im Geisterkrieg. Studien zu Nietzsche*, hrsg. A. Bertino, Open Book Publishers, Cambridge.
37. Totaro, F. (2004), *Nietzsche e la provocazione del superuomo. Per un'etica della misura*, Carocci, Roma.
38. Vattimo, G. (1974), *Il soggetto e la maschera. Nietzsche e il problema della liberazione*, Bompiani, Milano.
39. Welsch, W. (1995), Nietzsche über die Zukunft Europas: Tyrannen oder Nomaden? in: *Sichtweisen. Völker und Vaterländer*, Weimarer Klassik, Weimar, S. 87–108.
40. Welsch, W. (1999), Transculturality: The Puzzling form of Cultures Today, in: Featherstone, M., and Lash, S. (eds.), *Spaces of Culture. City, Nation, World*, Sage, London, pp. 194–213.
41. Wimmer, F.M. (1989), *Interkulturelle Philosophie*, Passagen Verlag, Wien.
42. Wotling, P. (1998), *Nietzsche et le problème de la civilisation*, PUF, Paris.
43. Wotling, P. (2008), *La philosophie de l'esprit libre. Introduction à Nietzsche*, Flammarion, Paris.
44. Zavatta, B. (2019), *Individuality and Beyond. Nietzsche Reads Emerson*, trans. by A. Reynolds, Oxford University Press, Oxford.